

Владимир Фил

Путь к Океану

Повести и рассказы

Владимир Фил

Путь к Океану.
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Фил В.

Путь к Океану. Повести и рассказы / В. Фил — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749324-0

Это истории о морских бродягах, пропитанных солью, потом и алкоголем, которые начали нелёгкий путь в эпоху лихих 90-х и пронесли свои нерушимые принципы до наших дней. Вы увидите жизнь и работу на флоте изнутри, описанную от первого лица на простом языке, без зализанных литературных фраз. Книга посвящается моим друзьям, безвременно ушедшим.

ISBN 978-5-44-749324-0

© Фил В.

© Издательские решения

Содержание

Путь к Океану	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Путь к Океану
Повести и рассказы
Владимир Фил

© Владимир Фил, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путь к Океану

Юбилей.

Возвращаясь домой около полуночи, я услышал прокуренный баритон, раздающийся из распахнутых окон нашего бара. «Мы Мореманы, весёлый народ – всё пароходство пляшет и поёт», – звенела гитара. Я сразу узнал голос моего старого друга Декса, хоть и слышал последний раз его пение лет десять назад. Заинтригованный столь редкостным концертом и довольный тем, что отпала нужда тащиться в пустую квартиру, я спустился в полумрак бара «Три ступеньки», окунувшись в аромат рома и марихуаны. За нашим столиком в дальнем углу, наедине с большой бутылкой Captain Morgan и шестистрункой развалился Декс, продолжая наяривать: «В любом укромном месте мы ёпнем грамм по двести, в кармане не имея ни гроша!» У кранов с пивом всплыл бармен Вадик, но Декс, увидев меня, остановил его жестом:

– Сегодня никакого пива, Фил! Только старый добрый ром. Приветствую на борту нашей шхуны, старый бродяга!

– Хай, Брат! За что пьём? Сегодня вроде никакого мореманского праздника.

– Мой личный юбилей отмечаем.

Вот же, совсем из башки вылетело, что у Декса дняха сегодня. Но точно помню, что дата вовсе не круглая. К тому же, после тридцати мы перестали отмечать эти две вехи по пути на тот свет – день рождения, да и новый год.

– Ты, по-ходу, годы попутал, Братан, – какой накер юбилей в сорок восемь лет?

– Да уж не какой-нибудь сраный, типа полтоса со дня рождения, на годомер намотанного. Ровно тридцать лет назад я в этот день Африку огибал из Атлантики в Индочий.

– Куя се... За это внатуре стоит пить ром! А потом с тебя рассказ причитается. Салют, дружище!

– Салют!

Мы бахнули по полному бокалу и запили пепси. Декс взорвал косяк, сделал несколько глубоких затяжек и передал мне:

– Опять инет своей писаниной засираешь? Читают хоть?

– Да, есть немного, хотя я статистике не доверяю. Нужно просто зайти на страницу, открыть произведение и прочесть пару строчек, чтобы бот фиксанул нового читателя. Несколько чел есть, по-общению с ними видно, что они в теме.

– Да ну и куй с ним, главное, что мне нравится, суть-то в том, что мы с тобой сдохнем, а эти цифирьки-буковки долго будут висеть в сети – хоть что-то после нас останется.

– Ладно, завязывай с лирикой и гони рассказ. Только попроще – представь, что слушающий чел моря не нюхал, и поменьше мата.

– Ах-ха-ха, это ты-то не нюхал, что ли? Ладно, всё путём.

Устроившись поудобнее, я врубил диктофон, и, попыхивая папиросой, приготовился слушать.

– Работал я тогда свой первый рейс матросом на СРТМк «Хэви Метал», небольшом морозильном траулере, – начал Декс свой рассказ. Промышляли хек в ЮВА – Юго-Восточ-

ной Атлантике, возле берегов Намибии, или территории, оккупированной ЮАР, как это тогда называлось. Ловили, морозили, набивали трюм, выгружались на плавбазу, и тупо по-новому кругу. Рутинная, млядь, скука смертная. К тому же основной приколом заключался в том, что наша зарплата не зависела от выработки, сидели на окладе, так как числились в рыбразведке, то есть должны были искать крупные скопления рыбы и передавать координаты промысловикам нашего пароходства. А на деле – находим косяк, и пока сами не начерпаемся, молчим, потому что план давали такой же, как у промысловиков, а нет плана, нет и премии. Такое вот обычное совковое изъёпство.

Однажды скидываем в очередной раз сотку тонн на плавбазу, а нас неожиданно грузят снабжением для рыбака типа нашего и отправляют в Мапуту, где он в межрейсовом ремонте стоял. Не пойдёт же ванна к мыльнице – проще другую мыльницу послать, – заржал Декс.

– А Мапута, Брат, это уже Индючий океан. Прикинь, как меня торкнуло – в первый свой рейс прокатиться из Атлантики в Индючий через Добрую Надежду, да ещё отдохнуть от порядком подзаипавшего промысла. К тому же, бывалые рассказывали, что в Мапуте той классный чейнч можно сделать – обменять заношенные треники и застиранные рубашки на настоящие африканские маски и большие красивые морские раковины, на которые богат Индючий океан. Плесни-ка рому, в глотке пересохло.

Смочив горло, Декс продолжил:

– На переходе три матроса стоят вахту на руле четыре часа через восемь, остальные занимаются палубными работами восьмичасовой рабочий день, создавая рабочий вид и попросту проёпываясь. Меня определили на вахту третьего штурмана с восьми до двенадцати, что было мне гораздо больше по душе, чем валять дурака на палубе. Особенно вечером – ложишься на заданный курс, ставишь руль на автомат и спускаешься варить кофий. В это время в рубку подтягивался стармех, большой спец по части анекдотов и всяческих морских баек, так что четыре часа вахты проходили влёт, особенно для меня, салаги, которого считали за равного.

На подходе к мысу Доброй Надежды начинало штормить. Пришлось снимать руль с автомата, который не держал курс при волне, и становиться рулить самому. Однако, это особо не напрягало – не на «утюге» же без гидроусилителя по серпантину едешь, – снова захохотал друг, которого явно пёрло от таких сравнений.

– Рулями управляет электрическая рулевая машина, а ты лишь корректируешь курс, поглядывая на компас, небольшим рычажком включаешь её «лево-право». Когда сильная качка, и не можешь устоять на ногах, держишься обеими руками за поручень на рулёвке и управляешь педальками под ладонями.

А шторм всё усиливался. На траверзе мыса это был уже чистый девятибалльный с десятиметровой волной. В этих местах такое не редкость, недаром португалы, открывшие мыс, окрестили его сначала «Мысом Бурь», и о Летучем Голландце легенда здесь родилась. Тут уже не до проложенного курса, нужно держать строго на волну, иначе писдец, оверкиль. Нам повезло, ветер был с зюйд-оста, в аккурат навстречу нашему курсу. СРТМк киевской постройки, мой ровестник, вёл себя достойно. Небольшой и крепко сбитый, с хорошей остойчивостью, он лихо пробивал волны, дрожа наглухо задраенным корпусом, а моя душа дрожала от кайфа перед буйством воды и ветра. Прикинь, у кормового траулера рубка на носу, и ты, считай, своими глазами-иллюминаторами в десятиметровую стену воды врезаешься. Пароход накрывает по клотики мачт, а ему хоть бы хны – выныривает и прёт на следующую волну.

Даже мысли о том, что можно на грунт лечь, не возникало, наоборот, уверенность в себе и кайф неопиcуемый. Такой бодряк, будто впитываешь в себя всю энергию шторма. Впрочем, не я один такой ёпнутый был, – Вася-штурман, лет на десять постарше, такой же кайф ловил... Давай перекурим, Вован.

– Вадик, млядь, что это за фуфло мы слушаем?! Ты бы ещё Стасика-таракашку поставил. Давай наше!.. Во, годится!

Мы хлебнули рому и раскурили ещё одну папиросу под «Stormbringer» DEEP PURPLE

– Давай, Дексон, продолжай, не томи, а то трава забористая, прибьёт ещё накер.

– Не ссы, Фил, ты же знаешь, что я убиваюсь, лишь когда захочу этого сам.

Итак – волны били, душа пела. Тут самое главное, чтобы движки не подвели, и рулевая машина. Продвигались еле-еле – узла три, не больше, рулями приходилось ворочать постоянно, чтобы борт волне не подставить. Она-то и не выдержала такого напряжения – рулевая машина – сгорела, падла. Вот тогда и началась самая жопа, и я на собственной шкуре убедился, что древнее деревянное колесо находится в рубке вовсе не для красоты, а именно для таких случаев. Это только в кино штурвал вертится, как волчок, от лёгкого толчка женской ручки. Когда в девятибалльный волна бьёт по рулям, а тросовая передача идёт с них через весь пароход с кормы на нос, в рубку, одному это чёртово колесо с места не сдвинуть. Стояли вдвоём по бокам и тянули обеими руками на себя. Какая тут уже романтика, – за четыре часа изъёпываешься больше, чем за восемь на промысле, ведь, чтобы переложить руль на градус, нужно сделать полный оборот полутораметрового колеса.

В одну из таких весёлых вахт я и услышал по громкой связи поздравление капитана с восемнадцатилетием и, признаться, не понял поначалу – столько событий, что про днюху забыл напрочь.

– Что, и не отмечали совсем – в те времена восемнадцать значимой датой было всё таки?

– Старые запасы закончились, а из компаса спирт сливать никакой долпоёп тебе в такую штормягу не будет. Да и не до этого было, сам понимаешь, а потом забылось как-то...

Шторм стих, уходя на ост, мы завернули в Индюху, по спокойной воде рулили уже по одному. Всё таки в этом есть какое то колдовство, передача древней энергии, идущая в тебя от ручек штурвала, я нутром это ощущал, словами не объяснить. Тем временем наш электро-механик умудрился перемотать рулевую машину, и штурвальная эпопея закончилась. Но ты знаешь, Фил, иногда я вижу себя во сне за штурвалом парусника, хотя под парусами ходить не довелось.

Декс умолк, видно, он побывал там, за штурвалом и возвращался в реальность. Я тоже был под впечатлением рассказа, немного по-доброму завидуя другу. За окнами вставала пред-рассветная муть.

– А что, чейнч с нигерами состоялся?

– Кер там, в Мапуте война была, на берег не пустили, и барыг на шлюпках отгоняли от борта. Перегрузились на рейде и назад, в ЮВА, на этот раз без приключений. Разливай остатки, да по шконкам разбредёмся.

– Одно не могу взять в толк – как ты в 17 лет паспорт моряка заграничного получить умудрился?

– Это уже отдельная история. За тех, кто в море! Салют!

– Салют!

Ночной полёт в жаркую страну.

В очередной раз, короткая время за нардами в баре «Ступеньки» на пару с Дексом, я заметил ему:

– Слушай, брат, может, вообще жить сюда переедем?

– А кули нам, старым волкам, ещё делать? Делюгу предлагаешь замутить?

– Может, дойдёт и до этого, мы же убиваем время, которого почти не остаётся!

– Время мы убивали до сорока, а после оно убивает нас, – философски ответил друг, задумчиво перебирая в руке камни (был его бросок). Куда лохи-то подевались?

– Думаешь, с нами сядут играть? Эт-то навряд ли, – заржал я.

Действительно, мы полгорода развели на нарды, и игровые лохи обходили нас стороной. Ещё бы, сколько придурков без мобил, машин и золота покидали заведение. На квартиры не играли из принципа – не кер человека с семьёй без крыши на головой, пусть и пустой, оставлять. В действительности, никакого развода не было, просто огромный опыт, играли почти всю жизнь и без шулерства обыграть нас можно было только случайно. Играли на равных, поэтому между собой играть быстро наскучило. Декс захлопнул доску с нардами и закурил, наполняя зал такими клубами дыма канабиса, что проснулся бармен:

– Дексон, может на улицу выйдешь, – простонал он. Меня пидоры из наркоконтроля прошлый раз чуть на анализы не забрали.

– Да не ссы в трусы, отмажу, ты просто им покурить не дал, вот и разозлил, – улыбнулся друг.

– Валяй тогда историю о том, как ты в 17 лет в Атлантику попал.

– Молча, из Луанды, – он явно решил поиздеваться.

– Хватит писдеть, старый анархист!

– Лады, слушайте.

После бурсы я получил направление на СРТМк «Хеви Метал», который стоял в межрейсовом ремонте на рейде Луанды, столицы Анголы. Туда мы летели из Шереметьево на Ил-62. Прикинь, стоим в аэропорту оба такие важные, разодетые в костюмы, деньги, дураки, сдали, вплоть до червонцев красных, как нам помполит велел, и тут вся команда вываливается в шортах и майках и усирается над нами:

«Вы же там сваритесь, идиоты, мля! А деньги накер сдали?» – «Так помпа же велел». «Вот и будете смотреть в посадочном зале, как мы пиво жрём. Ладно, салаги, не ссыте, и вам достанется».

Проходим досмотр, а там духи-солдатики сидят, бедолаги, с нас куют – «Ребят, а служить когда?» – «У нас своя служба – рыбу Родине добывать», – гордо заявляет напарник, и проходит досмотр. Конечно же, мы и бабло заныкали, и пиво попили перед посадкой, и «Казбека» прикупили. В самолёте я снова выпал – после взлёта ремни отстегнули, и мужики закуривают: «Курите, пацаны, лететь долго – часов двенадцать». А стюардессы начали носить по рядам,

вы прикиньте, братва, – коньяк с вином и лёгкие закуски! «Горячее будет после Будапешта, через два часа».

В Будапеште недолго посидели в порту, то ли экипаж меняли, то ли топливо добирали. Познакомились с негром, везущим жену-хохлушку «Родину показать». Ребёнок в коляске, беленький. «Ты что, дура, творишь, там же война!» – «Люблю его, – говорит, – а он воевать захотел за свою страну». – «Ну, тогда счастья вам». До Луанды часов восемь летели, два раза кормили – супчик какой-то, курочка с пюре, красная икра, ну и коньяк, конечно. Всё вкусное, обалдеть, да и наелись от пуза. «Пристегните ремни, наш самолёт совершает посадку.» – «Мля, – думаю, – мне и здесь некуёво было». Кореш приуныл – увиденное из люмика на полёте ему тоже явно не понравилось – земля, докрасна выжженная солнцем, и спичечные коробки лачуг – всего говна с высоты видно не было.

Только вышли на трап – наши фильдиперсовые костюмчики насквозь потом пропитались, аж вода с них текла. Пока автобус ждали, чумазая детвора у нас клянчила всё, вплоть до НЗ – сухарей и банок воды для спасательных плотиков. Прикололись с туземцем, что, мол, не работаешь? А накер мне (по-русски) работать – нарву на пальме бананов, нажрусь, и ёпнусь пузом кверху под той же пальмой. Что пьют, спросить не успели, «автобус» подошёл – картонная коробка без окон и дверец, непонятно, как передвигающаяся. Загрузились и двинулись с горем пополам в порт. А по дороге, прикиньте, кучи говна никем не убирались до такой степени, что водила их объезжал. Везде бардак и разруха, только у зданий типа офисов или банков порядок и чистота.

Наконец, мы в порту. Смотрю, строп с мылом развалился, нигеры как кинутся карманы и пазухи набивать! Крановой орёт, а им покеру. Потом уже мне объяснили, что там за кусок мыла любая баба даст. Всё, приехали. «Пацаны, взрывов не пугайтесь, это наши водолазы диверсантов ночью отпугивают, чтобы мину не прилепили». Какой там, определились по каютам и вырубались до утра. А утром, когда отходили, сука-боцман меня в форпик загнал, в самый нос, резиновые сапоги перебирать. Вонище, да ещё качка, думаю: «Когда же блевать начну?» Чувствую, жрать хочу всё сильнее, еле до обеда дотянул. А мужики хохочут: – «Двойной борщ бери, – это тоже от морской болезни – одни блюют, другие обжираются».

– Вот так, пацаны, я и попал в Атлантику, – ухмыляется Декс

– Всё-таки ты слукавил, просили же другую историю?

– Устал я, пива налей, да пошли курнём. Жалко пацанов наших, которые месяцами гнили там на кичах в 90-х...

Ты помнишь, как всё начиналось.

Дальше рассказывает Декс:

– Два друга с Поволжья вдруг объявили десятому классу, что станут моряками. Один из них, по прозвищу Бург, имевший некоторый авторитет среди учителей и учеников, бил себя в грудь и говорил, что, кровь из носу, станет капитаном заграничного плавания. Ему дружно подкакивали, имея в душе, что «выше куя не прыгнешь, старше боцмана тебе не бывать». Другой или просто искал приключений и свободы от родителей, или убежал от местного уголовного розыска, потому что успел наворотить немало дел. У него была кличка Лом. Был ещё и третий, влюбившийся в море, предпочитающий читать Купера, Стивенсона, Верна и прочие «пиратские» книги вместо школьной мудистики. Он с детства строил модели парусников,

слушал Высоцкого, пропадал с удочкой на речке вместо занятий в школе, и мечтал просто ходить в море, покуй кем, лишь бы быть мореманом. Как вы уже поняли, это был я, единственный из троих побывавший на Чёрном море, в которое нырнул пятилетним писюном и с ходу поплыл.

Нас ничего не связывало, но лучшего друга Ромку загнали под конвоем в университет, тогда я решил примкнуть к пацанам, как раз в тот момент, когда вездесущий Лом притащил рекламную бумажку с тусклым чёрно-белым текстом,

в которой говорилось о наборе без экзаменов для обучения на матросов-мотористов, а главное, о практике на рыболовецких судах заграничавания. Принимались закончившие десятилетку. Все мы прекрасно понимали, что в высшее инженерное училище и мореходную школу, находившиеся в том же городе, нам не попасть из-за школьного расписдьяства. А здесь – полгода, и загранка! Это решило всё. А для Лома ещё и кубанская трава, ха-ха-ха!

Долго не думая, насшибали у одноклассников сороковник, взяли за восемнадцать рублей билет и рванули к морю на прямом, без пересадок. Предкам ничего не сказали, естественно, во избежание всяческих эксцессов.

«А мы без дома, и без гроша —
Шатия мореманская,
Эх судьба, моя судьба,
Ты как млядь цыганская»

Да, по одному билету оказалось очень полезно ехать с точки зрения обучения общению с разными людьми. Мы и не унывали, общались, особенно Лом. То молодых проводниц уболтаем, то пассажиров. Главное, быть жизнерадостным, комплименты говорить, прибаутки отпускать, анекдотцы, не молчать, короче. В триньку без штанов не оставлять – почувствовал, что чел на взводе, умерь азарт. А эту игру мы за десять лет школы изучили, как заправские шулера. Короче, даже проигравшие нас кормили, не считая проводниц и пассажиров. От начальника поезда нас девчонки прятали, да он и не выходил – бухал. Ментов тогда мало видели, к счастью, да они и ксивы не просили.

В общем, ништяк доехали, уже всё о городе разузнав. Вот только за двое суток зачухались, как бомжики, по полкам лазая, так что сразу же к морю рванули. До пляжной косы, где мелко, не рискнули, как Бург ни просил (Бург совсем не умел плавать, капитан, мля, ха-ха), зато пацанов присекли, что у стоянки учебного судна с пирса ныряли и в догонялки играли. Я от вида воды прибалдел, быстро скинув шмотки, нырнул, кайф такой, как домой вернулся после долгой разлуки. Из под воды смотрю, как Лом Бурга бултыхает, сам кое-как держится – обоссался со смеху! С пацанчиками-ровесниками быстро скорешились, и оказалось, что бурса, как они её обзывали, в километре, на пятом этаже общаги. Поднялись, толпа ксивы сдаёт, сами сдали без базара, нам сказали, что мы приняты и велели приходить к первому сентября на построение. Всего-то? Мне сразу не очень всё это понравилось, а у Бурга с Ломом от радости полные штаны были. Ксати, они в группу электриков записались, а я в матросы.

Новый кореш любезно предоставил квартиру – 30 р всего за месяц, как раз стипуха наша. Накормились мы, постирались и отправились с покаянными головами предкам звонить, чтобы бабло перевели. Лом умудрился форму из мореходки у кого-то взять взаймы, сфоткались по очереди в ней и домой отчалили – писдюлей получать от родителей и овации от пацанов.

Виноград.

Писдюлей мы, конечно, не получили, но отговаривали нас по-всякому, и то, что без диплома ты не человек, и ещё ахиною несли какую-то, но тщетно – какой накуй диплом, какой институт с его гнусными лекциями, когда рыбак – два раза моряк! Все божились учиться дальше, все, кроме меня, ха-ха! Лучше быть хорошим рулевым, чем плохим капитаном, это в меня ещё из книжек въелось. И предки сдались. Покатили мы уже, как порядочные, с билетами и в купе, но под конвоем. Столыпинский вагон, млядь, только окна без решёток, и мать Бурга в качестве конвоя.

Приходим на построение, я уже ржать начал – пузатые дяди в морской форме поздравили нас со вступлением (уж не в говно ли,) в славные ряды моряков рыболовецкого флота СССР. «Млядь, – думаю, – сейчас лекция о международном положение последует». А он: «Разбирайтесь по своим группам, завтра колхозу помогать едем». Я аж прикуел: «Чоо, млядь, на картошку?! Да накуй, дома не ездил ни разу!» – «Рано ты материться начал, сынок». – «Вырабатываю командирский голос, товарищ капитан!» – «Писдуй в строй, салага». «Трщ капитан, а что собирать-то будем, коноплю?» – вмешивается Лом с невинной мордой. Тот аж побурел: «Кто будет замечен в курении анаши, вылетит из училища с треском! Всё, закончили базар, и по автобусам!»

Погрузились, выехали из города, а вокруг сплошные поля, куда ни глянь, черным-черно от винного мелкого винограда. Остановились перессать, все неместные накинулись на него, как мухи на говно, я едва успел Лома с Бургом удержать. Потом, пока до места доехали, автобус раза три останавливали – кому пронестись, кому проблеваться. Ещё бы, столько немытого винограда сожрать, ха-ха, через пару дней работы на него и не смотрел никто. Для еды выбирали столовые сорта, такие, как Изабелла, Бычий Глаз, Дамский Пальчик. В столовке особо не наешься, так вечером в облом искать в лозе даже было. Просто шли к столовке, а там гружёные машины ночевали до утренней отправки по магазинам. Брели оттуда ящик и лопали с хлебом от души. Бычий Глаз особенно – сытный, как мясо, крупный, как яблоко, да ещё и вкусный вдобавок.

Работа была несложная и нудная. Работали в паре. Виноград растёт рядами, лоза вьётся по проволоке, натянутой между столбами на километры. Мы клали между столбами брезентовый полог и шуровали секаторами. Когда полог наполнялся, вываливали его в контейнер типа мусорного, навалив полный, клеили бирку с фамилиями, и его забирал погрузчик. Бирки – это наша сдельная зарплата. Иногда их нагло воровали местные и переклеивали на свои контейнеры, но мы такой кернёй не занимались, впадло было, и зорко следили за своим. Обедали, как свиньи – прямо на земле. Любимой забавой было говорить всякую гадость, вызывающую рвоту. Вот где, наверное, я получил иммунитет к морской болезни, ха-ха.

Жили в двух бараках по пятнадцать харь. В одном «блатные» местные, в другом винегрет из городов СССР. Жили в общем-то мирно, за месяц ни одной драки, не считая того, что временами бились барак на барак завязанными на узел одеялами. То мы к ним нагрянем, то они к нам, но это была игра, без злобы, чтобы пар выпустить из молодых и здоровых тел. Да ещё надо мной сосед по сдвоенной шконке пытался поиздеваться, но я вытащил нож и спокойно сказал ему, что в следующий раз перережу ночью глотку. Он шары вылупил и отстал, и с этого времени мы накрепко скорешились. По выходным нас возили в поселковую баню, где я встречал Бурга и Лома, которые работали на другом участке, рядом с посёлком, поэтому без

литра местной чачи наши встречи не проходили. Если не удавалось, я брал бухло с собой, и мы уходили с новым корешем Васькой на побережье – море было недалеко, разводили костерок, пекли картошку и бухали, сидя на обрыве на зависть погранцам, плящимся в бинокль с дальней заставы. Васька гнал про баб, я про море. Море в любом состоянии притягивает глаз, будь то штиль или шторм. Есть в этом мистика какая-то. Я верю в то, что оно живое. В рожу плюну тому, кто скажет, что это просто вода солёная. «Кто в океане видит только воду, тот на земле не замечает гор», – с Семёнычем не поспоришь. Когда смеркалось, погранцы начинали керачить в нашу сторону трассерами, всё ниже и ниже. Это был знак – туши костёр и уёживай.

На второй выходной возили всех желающих на дискотеку в посёлок. Кореш Васёк, живущий в станице неподалёку, умудрился с очередной побывки припереть огромный куст дички. За неделю, аккуратно к очередной дискотеке, трава основательно просохла, и господа курсанты решили раскумариться, поджарив кашу, ха-ха. Натянув на чашку плотную ткань, мы пробрили через неё коноплю, получив добрую горсть пыли, перемешали её с сахаром и зажарили на сливочном масле. Получился блин-леденец, сладкий, с небольшой горчинкой, довольно приятный на вкус. Мы начали дегустировать его чайной ложечкой. Съели по паре и успокоились, стали собираться на дискач. Сижу – что за шняга – не кроет, вообще ноль. А надо сказать, что до этого я курил всего пару раз с тем же эффектом. Ну, я третье весло, четвёртое, пятое... «Братан, не лишкуй, убьёт нафиг», – предупредили пацаны, – «и тебе лучше никуда не ехать, от греха». Да я и сам не особо щемился. Остатки они завернули с собой на подгон нашим центровским (слава Богу), и я проводил их до автобуса, так ничего и не чувствуя.

Ходил-бродил вокруг барака, даже на море обломало идти. «Ох и керня эта ваша заливная рыба», – думаю. Зашёл, а в бараке одни ботаны остались. Сидят с гитарой и тоскуют: «Декс, хоть ты спой, пожалуйста, как только ты умеешь, а то тоска смертная, хоть вешайся». – «Лады, давай инструмент». Присел, настроил, взял первый аккорд, и тут... «ХА-ХА-ХА-ХА-ХА», – я так не ржал, когда Брежнева слушать заставляли. Живот трясёт, остановиться не могу. «Декс, ну мы же всерьёз просим, кули ты издеваешься». Я кое-как сжал живот и успокоился. «Ладно, не прогоните, парни». Снова беру аккорд, цепляю взглядом их рожи унылые: «ХА-ХА-ХА-ХА-ХА, это, млядь, песня такая – хит новый у Бэд Бойз Блюёёёё-о-ха-ха-ха, ик». Те всё поняли, забрали гитару, а «Остапа понесло»...

Шляюсь по бараку, и всё мне «ха-ха». Увижу, что спит кто-нибудь, закутавшись с головой от света, я одеялку сдёрну, а у него морда такая смешная, опять «ха-ха», аж люди потихоньку сваливать с барака начали. Тогда я стал хахакать над столом, стулом, лампочкой, но это был уже явный перебор. Становилось всё хуже и хуже, в желудке резало, и я решил проблеветаться, как после водки, но ничего не вышло – эту гадость не выблюешь. Осталось ёпнуться на шконарь и уйти в астрал. Тут, как назло, напал с одеялами соседний барак. Меня гасят, а я уже труп, где-то там, в глубине вселенной свою звезду ищу. Один из вожаков заглянул в мои зрачки и отдал команду: «Этого не трогать».

Не помню, как вернулся на Землю и заснул, ха-ха!

Утром меня растолкали, и выпив полведра воды, я, как ни в чём не бывало, потопал на работу, усвоив урок – не всё хорошо, чего много, ХА-ХА-ХА.

Крышка дома твоего.

Завершение работы я ознаменовал тем, что въёл в глаз напарнику, в конец доставшему своими бычьими шутками, чем основательно повысил статус среди местных «авторитетов».

КМС по боксу, килограммов на 20 тяжелее меня, почему-то сразу вошёл в клинч (наверное, учат их так, КМСов), и мы катались в обнимку, как педики, под ногами у ржущей толпы, пока не растащили мастера. Думал, продолжение последует в городе, однако вскоре после начала учёбы нам рассказали, что на один большой пароход могут попасть сразу несколько тел из одной группы, среди которых оказывается залупастый местный. До первого шторма, ха-ха-ха. Море всё спишет. «Поэтому, живите дружно, пацаны».

В славный город N возвращались уже, как домой. Правда, встретил он нас, как неродных, хмурым октябрьским дождиком. «Млядь, в море уже не накупаешься», – уныло думал я. Оказалось, в ванне тоже. Лом, всё больше тянущий одеяло на себя, и Бург, во всем ему потакавший, давно решили свалить из квартиры с навязчивой хозяйкой на частную хату, которую снимали их новые кореша-одноруппники. Меня просто поставили перед фактом – «или ты с нами, или сам по себе». Сам по себе я с детства живу, ты знаешь, но решил не откалываться от земляков в пока незнакомом городе.

На винограде мы сколотили за месяц целое «состояние» – по 200 рублей на рыло, столько в то время получал средний начальник. Расплатившись за квартиру и перетащив шмотьё на новое жилище (о светлая юность, как мало у тебя барахла), задумались, как отметить возвращение. Остановились на бутылочном пиве (сказался поволжский голодняк по нему), – в N можно было выбрать из десятка сортов, не простаивая в очереди, что для нас было «a kind of magic». Прилавки были завалены морской рыбой на любой вкус. Взяли 4 ящика «Жигулёвского» и завалились на хату к моему одноруппнику Вуте.

Стрёмная была ночка. Быстро вылакав пиво, пошли за добавкой и тётками. С тётками обломались, хотя Лом, исчезавший по дороге, божился, что трахнул в лифте повариху из нашей бурсы. О местных проститутках мы тогда понятия не имели (в СССР проституции нет!), зато пива было море – ещё бы, червонец за ящик, сейчас это кажется сказкой. Надрались чисто в суровой мужской компании, заблевали пацану всю хату и проспали весь следующий день.

Новая хата оказалась неплохой, правда, без «удобств», а в смежной комнате ютилось ещё четыре тела, но «в тесноте, да не в обиде», к тому же в случае чего это был мощный боевой кулак. Верховодила хозяйка, бабулька под 70. Ей было насрать, чем мы занимаемся, когда приходим и уходим, ночуем ли вообще. Главное, чтобы вовремя платили, не барагозили, плядей не водили и поддерживали чистоту и порядок. Она вкусно готовила на всю ораву и пила с нами пиво. По праздникам и дняхам доставала из погреба свою фирменную вишнёвую настойку, ну не бабка, а золото, короче.

Я сразу стал любимчиком, предотвратив гибель девяти тел (вместе со своим). Дело в том, что я завёл привычку выходить поссать и перекурить под южными звёздами, когда все уже засыпали. Обычно прикуривал на выходе, проходя по коридорчику мимо отопительного котла, но на этот раз, хоть и был спросонья, что-то нехорошо торкнуло. Отведя спичку от коробка, я принялся. Откуда-то вырывался со зловещим шипением газ. Его концентрация в воздухе была уже такая, что мутнело в башке. Не врубая свет, чтобы, не дай бог, не писдануло от искры, я кинулся будить сначала стариков, не врубающихся спросонья, в чём кипеж, потом остальную толпу, отогнал их подальше от дома и вызвал от соседей 04. Газовики починили какой-то клапан, а я с тех пор стал пользоваться у бабки особыми привилегиями, типа срать ходил не в общаковый скворечник на улице, а в тёплый хозяйский сортир дома, чем страшно бесил остальную команду.

Но городскую баню приходилось посещать в худшем случае раз в неделю, если не удавалось принять где-нибудь душ, и можешь себе представить, какое амбре стояло иной раз в наших двух комнатёнках на семь тел, ха-ха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.